

УДК 82-312.1+821.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-120-126

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКАЯ ОНТОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
В ДИАЛОГЕ АВТОРА И ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. В. БЫКОВА «ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА»****канд. филол. наук, доц. А.С. СМIRHOV****(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7487-5892>**

Предметом статьи являются художественные антропологические представления В.В. Быкова, типологически сопоставимые с пониманием человека в философии французского экзистенциализма и зарубежной литературной практике, испытывающей ее влияние. Онтология личности в повести «Дожить до рассвета» исследуется как предмет полемики автора и героя, который является субъектом «ролевого Он-сознания» (В.И. Тюпа) и полностью исчерпывает свою личность интериоризованной социально-ролевой функцией. Продемонстрировано, как автор внутритекстовыми средствами (соотношение «слова» автора и «слова» героя, организация повествования, ирония) и архитектурой повести выявляет узость подобной самоидентификации. Анализ повести как художественного целого обнаружил ее причастность глобальной культурной оппозиции природы и цивилизации и выявил авторские представления о человеке прежде всего как о части природного миропорядка, отмененные для героя его социальной инициацией. Вовлеченность человека в противостояние природы и цивилизации и приоритет социально-ролевой идентификации героя выявляет в его подвиге самопожертвования трагедию космического уровня.

Ключевые слова: экзистенциализм, автор и герой, личность, самоидентификация, природа и цивилизация, инициация.

Введение. Закрепившаяся за Василем Быковым литературная репутация писателя-фронтовика отодвигает на второй план не менее значительный философский (прежде всего экзистенциалистский) подтекст его прозы. Нередко даже справедливые утверждения об идейной близости Быкова, с одной стороны, и Ж.П. Сартра и А. Камю, – с другой («Быков, вероятно, был единственным в советской литературе писателем-экзистенциалистом в точном понимании этого слова» [1, с. 650]), ограничиваются указаниями на тематическое сходство произведений [2, с. 93] или сопоставлением военных «пограничных» ситуаций экзистенциального выбора [3, с. 261; 4, с. 138–139; 5, с. 217], в которые эти авторы помещают своих героев. Между тем, экзистенциалистский подтекст, в частности, повести «Дожить до рассвета» вовсе не ограничивается какими-либо отдельными ее эпизодами, а формируется всем художественным целым во взаимной связи между ними и выходит далеко за рамки военной тематики (ср. обобщающую мысль И. Кукулина, по мнению которого в прозе Быкова произошло «использование войны как материала для построения тотальной метафоры экзистенциального опыта» [1, с. 648], или замечание Т.И. Шамякиной о том, что «творчество В. Быкова вовсе не воссоздает определенные исторические события <...>, а свидетельствует прежде всего о человеке в сложных жизненных ситуациях; при этом следует учитывать, что для литературы характерна так называемая художественная условность», что, по мнению исследовательницы, позволяет критикам писать «об экзистенциализме прозы В. Быкова» (курсив везде Т.И. Шамякиной. – А. С.) [6, с. 79]).

Нравственно-этическая сторона экзистенциального выбора героев Быкова (особенно повести «Сотников») по большей части является конечным пунктом исследований, не задающихся вопросом о генезисе их (героев) нравственности, о соотношении личного (внутреннего) и социально обусловленного (внешнего) в их выборе и, тем более, о первопричинах этого выбора – о самосознании и самоопределении человека, осмысляющего себя в материальном, космическом и социальном контекстах разных уровней, что, собственно, и составляет краеугольный камень экзистенциалистской философии и литературы и отчетливо проявляется в повести Быкова «Дожить до рассвета».

Т.Н. Денисова приводит мнение американских критиков о специфическом отношении к экзистенциализму Э. Хемингуэя, которое, на наш взгляд, весьма близко к характеристике экзистенциализма Быкова: «Хемингуэй выражал экзистенциалистские умонастроения, экзистенциалистом не будучи, т. е. инстинктивно» [7, с. 106]. Сам Быков «признавал влияние эстетики экзистенциализма в своем творчестве, и прежде всего в “Сотникове”, но подчеркивал общую обусловленность тем и проблем нашим грозным временем» [8, с. 94]. На наш взгляд, близость Быкова к экзистенциализму выражается не только и не столько в пресловутых «пограничных» ситуациях («важнейшем аспекте современного дискурса войны» [9, с. 90] вообще), сколько в сосредоточенности Быкова на поиске, подобно Сартру и Камю, фундаментальных основ человеческого сознания и поведения в их глубинно-личностной и социальной обусловленности, в том числе в условиях военных испытаний, необычайно актуализировавших этот поиск и обусловивших сходство ответов, даваемых представителями разных национальных культур.

Разнообразие подходов и точек зрения на отношение В.В. Быкова к теории и практике французских экзистенциалистов при недостаточном внимании к сходству антропологических представлений писателей определяет *актуальность и цель* нашего исследования – на материале повести «Дожить до рассвета» проанализировать авторскую концепцию личности с точки зрения соотношения индивидуально-личностного и социально-обусловленного императивов сознания и поведения.

Частные задачи, решение которых было необходимо для достижения цели исследования, определили его методологическую базу: анализ соотношения «слов» автора и героя проводился с использованием методики нарративного анализа; анализ повести как художественного целого – структурно-семиотического метода; анализ повести в контексте оппозиции природы и цивилизации – культурно-исторического; сопоставление героев повестей Быкова и Хемингуэя – историко-типологического. Фундаментом анализа онтологии личности является подход к повести как к художественному целому и учитывает не только семантику отдельных эпизодов, но и их взаимосвязь. Системного подхода требует прежде всего анализ образа главного героя повести, лейтенанта Ивановского. Еще одной методологической предпосылкой нашего исследования будет аксиома о том, что в литературе, даже при как будто очевидном автобиографизме персонажа, он является всего лишь одной из смысловых инстанций, в диалоге с которыми автора формируется художественная идея произведения.

Основная часть. В. Максимович отмечает, что герои Быкова испытывают воздействие «внешней агрессии и внутреннего режимного устрашения», «по-особому воспринимают и трактуют чувство долга, чести, героизма, которые во многом сопряжены с чувством страха, боязни, подозрительности, ощущением себя “винтиком” системы, ее, по преимуществу, жертвенного звена» [4, с. 138]. Эта характеристика малоприменима к Ивановскому, чьи психологические и поведенческие императивы явно находятся в совершенно иной парадигме. Во-первых, лейтенант всячески опекается начальником штаба – высшим звеном в системе «режимного устрашения» в повести. «Придирчивый, строгий и всевластный», он «беспощадно строг ко всем подчиненным <...>, мог в любую минуту придраться» [10, с. 50], однако в нарушение фронтовых регламентов неожиданно освобождает вышедшего из окружения Ивановского от обязательной проверки в фильтрационном пункте, деятельно поощряет его предложение организовать диверсию и в целом выступает скорее как заботливый отец (ср. его неоднократно акцентированное автором обращение-напутствие «сынки» [10, с. 56, 74, 75]), чем внушающий страх службист. Показательно, что именно и только таким он остается в памяти героя: «всю дорогу <...> лейтенант нес в себе немеркнувший огонек благодарности генералу за его человеческое участие» [10, с. 50], хотя очевидно, что начальственно-административное содействие генерала было не менее значительным. Во-вторых, понимание долга связано у Ивановского с ощущением себя вовсе не «винтиком», а органической частью системы, как будет показано ниже.

Плодотворной для понимания образа Ивановского является предложенная В.И. Тюпой классификация типов ментальности, под которой исследователь вслед за Р. У. Эмерсоном и историками французской школы «Анналов» понимает фундаментальное состояние человеческого духа – органическое единство «ценностных интенций сознания; интеллектуальных категорий, микросценариев мышления (фреймов); стереотипов эмоциональных и поведенческих реакций; а также культурных кодов, обеспечивающих когерентность (связность, взаимообусловленность) перечисленных сторон духовной жизни» [11, с. 9]. Среди четырех типов ментальности В.И. Тюпа выделяет, в частности, «ролевое (нормативно-ролевое), или авторитарное Он-сознание (отношение к самому себе как бы в третьем лице)», которое «предполагает самоидентификацию индивида с некоторой сверхличной заданностью: “я” как ролевая функция онтологической структуры бытия, не подлежащей сомнению или критике. Это личностное сознание, характеризующееся рефлексивностью первой степени, предметом которой выступает функциональность субъекта жизни (долг, предназначение). Поле такого сознания упорядочено вертикально: оно иерархично и моноцентрично. <...> Такая ментальность порождает регулятивную мотивацию поведения, направляемую ценностным вектором *долженствования* <...>. Забота о соответствии/несоответствии занимаемому месту в миропорядке не оставляет ролевую личность и нередко проявляется как регламентирующая требовательность к жизнедеятельности окружающих» (курсив В.И. Тюпы. – А. С.) [11, с. 13].

Указанные признаки ролевого Он-сознания в полной мере присущи образу Ивановского.

Тотальная функциональность героя определяется тем, что сюжет повести, за исключением отдельных эпизодов довоенного прошлого (потопление лодки и знакомство с Янинкой), сконцентрирован на безрезультатной диверсии, что естественным образом ограничивает парадигму ментальных и поведенческих комплексов героя, вынужденного выбирать между долгом и человечностью – всегда в пользу первого. Эта классицистическая коллизия порождает в сознании Ивановского квазиреальность с четко прописанными моделями должного поведения, причем не только собственного или, в определенной мере, управляемых им подчиненных, но и таких акторов, чье поведение или даже само существование объективно находится вне управляющих воздействий героя («он недоумевал, откуда тут могла появиться ракета, ведь в том направлении, откуда она взлетела, немцев не должно было быть» [10, с. 16]; «Ивановский слегка удивился – на карте в здешних местах не значилось никакого леса, <...> но почему тогда лес?» [10, с. 32]; «рощица в отдалении удивительно немо, почти мертво молчала» [10, с. 69]). Авторские характеристики реакций героя («недоумевал», «удивился», «удивительно») на неожиданное для него отклонение подлинной реальности от помысленной весьма показательны. В них проявляется дистанция между лишенным военного опыта героем и умудренным этим опытом автором, спустя годы размышлений и оценок создающим свою повесть (1972). «Здесь была война, а значит, действовали все ее ухищрения, использовались все ее возможности – в том числе время, которое в данном случае сработало в пользу немцев, оставив Ивановского с бойцами в безжалостном проигрыше» [10, с. 71]. Повествование в «Дожить до рассвета» зачастую организовано таким образом, что в размышлениях Ивановского сложно разделить «слово» героя и «слово» автора – происходит «проникновение “зоны автора” в “зону героя”» [3, с. 267] (что в целом характерно для «романного слова», рассмотренного М. М. Бахтиным: автор «не только вне его [“слова” героя. – А. С.], но и в нем; он не только изображает этот “язык”, но в известной мере и сам говорит на нем» [12, с. 517]), однако принадлежность приведенного фрагмента исключительно автору выдает наименование героя в третьем лице.

Очевидной моделью для диверсии Ивановского является происходившее на его глазах безуспешное нападение разведчиков капитана Волоха на фашистский склад, которое также подвергается трансформации в сознании, а затем и в действиях лейтенанта. В действительности поводом для нападения было предположение «изглодавшихся бойцов», что склад может «быть также и с продовольствием» [10, с. 30]. Однако у Ивановского, после гибели Волоха, возложившего на себя задачу довести его дело до конца, тем самым наделив смыслом его смерть, и подбирающего аргументы, чтобы убедить генерала оказать содействие, склад гиперболизируется и превращается в «артиллерийскую армейскую базу, <...> несколько эшелонов боеприпасов» [10, с. 53]. Более того, фантомная база настолько затмевает действительный склад, что основанная на долженствовании квазиреальность подменяет собой подлинную в сознании героя: обнаружив, что базы на прежнем месте нет, «он не мог отделаться от чувства какой-то своей вины, как будто именно он придумал всю эту историю с базой и кого-то обманул» [10, с. 71], не признавая себе, что так оно фактически и было.

Ивановский (скорее всего, бессознательно) пытается «скопировать» диверсию Волоха вплоть до того, что почти буквально повторяет его обращения к бойцам, совершенно не отмечая и, вероятно, даже не улавливая трагической иронии старшего товарища, опять-таки очевидной для автора. Волох: «Устроим фейерверк на всю Смоленщину. Рукавицын, у тебя противотанковая граната целая? Хорошо» [10, с. 31]. Ивановский: «Вечерком такой тарарам устроим. На всю Смоленщину» [10, с. 47]. Возможно, в ментальной глухоте и серьезности Ивановского сказывается отмеченная В.И. Тюпой «прошитая» в сознании неспособность героя подвергнуть сомнению или критике (формой которой, как известно, является комическое) свою ролевою онтологическую функцию.

Хакимов, из-за тяжелого ранения превратившийся в обузу для отряда Ивановского, – «двойник» Фиха из отряда Волоха. И итогом размышлений лейтенанта о том, как поступить с бойцом, закономерно становится апелляция опять-таки к модели поведения капитана: «они должны сделать для него [Хакимова. – А. С.] все, что сделали бы для себя. Это было законом для разведчиков Волоха, таким оно останется и в группе Ивановского» [10, с. 48].

Открытая ориентация героя на внешние образцы сознания и поведения устанавливает параллели между «Дожить до рассвета» и повестью А. Камю «Посторонний», но с одним существенным отличием. Позиции Камю и его героя, отказывающегося следовать социальным ритуалам и идущего на казнь за провозглашение автономности человеческой личности, солидарны, в то время как герой Быкова даже не задумывается о своей личностной «вторичности», генезис и онтология которой находятся в центре размышлений автора. Свидетельством исключительно функционального подхода Ивановского к собственной жизни и признанием полной ее сосредоточенности и исчерпанности возложенным на себя заданием по уничтожению базы («самоидентификация индивида с некоторой сверхличной заданностью») является реакция героя, напоминающая парадокс Л. Кэрролла об улыбке чеширского кота: «Базы не было, но приказ уничтожить ее оставался в силе» [10, с. 72], и закономерное признание самому себе: «главное – вместе с базой пропала прежняя ясность цели – он просто не знал, что предпринять и куда податься» [10, с. 75].

Вертикально упорядоченному, иерархичному и моноцентричному Он-сознанию Ивановского на сюжетном уровне конгруэнтна его командирская функция, что естественно для любой групповой деятельности с распределением ролей и ответственности. Однако понятный и естественный в армейской среде, да еще и в экстремальных военных условиях, волонтаризм Ивановского (первая реплика, с которой герой появляется в повести, – «Все. Спорить не будем» [10, с. 6]; ср. также «лейтенант не терпел делить свою власть с кем бы то ни было» [10, с. 14]) выходит у героя за рамки военной иерархии, превращая его в собственном сознании едва ли не в правомочного верховного вершителя человеческих судеб, и прямо и косвенно оспаривается автором.

Прямым «объективным» опровержением идеологии героя служит судьба Шелудяка, отправленного лейтенантом назад и тут же погибшего – по воле автора («Шелудяк, посланный на верную гибель, хотя в тот момент <...> лейтенант думал, что – в жизнь» [10, с. 22]). Примеры косвенного авторского опровержения идеологических установок Ивановского и многочисленны, и разнородны. Быков всячески подтачивает изначальную убежденность героя в его возможностях господствовать над судьбой. Вторая глава начинается размышлениями Ивановского о своем – почти центральном – месте в метафизическом мироздании: человеку на войне «ни на минуту нельзя выпускать из рук тугих вожжей обстоятельств, при любых, самых невозможных условиях надо стараться управлять ими» [10, с. 25–26]. Однако еще задолго до этих размышлений «самоуверенность» героя компрометируется автором. Например, уже в открывающем повесть эпизоде авторитарность Ивановского наталкивается на системное сопротивление «мира», элементами-представителями которого являются *человек* («молчаливое несогласие с лейтенантом» [10, с. 6] старшины Дюбина), *вещь* («теперь уже притворять ее не было надобности, <...> Дюбин отбросил дверь в сторону, и та, пошатываясь, косо зависла на одной петле» [10, с. 6]) и *природа* («к вечеру снежок погустел, и лейтенант обрадовался. <...> Но как только стало темнеть, <...> снегопад стал затихать» [10, с. 8]). Вся первая глава наполнена многочисленными условно-противительными конструкциями (типа «надо было бы, но...»), выдающими тотальную неспособность кого-либо, в том числе и персонально Ивановского, держать обстоятельства под контролем. «Воронков очень бы сгодился нынче, но Ивановский не смог разыскать его» [10, с. 9]; «надо было как можно скорее одолеть эту пойму <...>. Но и так уже все притомились» [10, с. 12]; «лейтенант <...> знал, что медлить здесь нельзя ни минуты. Но усталость, видно, притупила осторожность» [10, с. 12]. Этот ряд примеров легко может быть продолжен. Наконец, стремление Ивановского подчинять реальность искусственной умозрительной конструкции подвергается иронии автора, отстаивающего приоритет реальности. «Ивановский спросил осиплым усталым шепотом: Ползут? – Ползут, командир, – также шепотом ответил сержант. – Передай – шире шаг!» [10, с. 13]. Совмещение двойного «ползут» с нелепым в данной ситуации военным

канцеляризмом «шире шаг» Ивановского, не замечающего этой нелепости и как бы пытающегося словесно «подчинить» реальный способ перемещения бойцов своим умозрительным построениям, показательно.

Функциональное восприятие человека характерно и для отношений лейтенанта к подчиненным, личностные качества которых, кроме требуемых моментом, да и сама их жизнь, если она не содействует или препятствует выполнению задачи, не представляют для него ценности. Так, после гибели Шелудяка Ивановский сожалеет, что лишился необходимого ему сапера, а первоначально проявленное к раненому Хакимову *человеческое* сострадание постепенно сменяется *командирской* почти ненавистью только за то, что тот все еще не умер и оттягивает на себя силы других бойцов, в то время как «правильная» смерть Шелудяка, отвлекшего на себя внимание и огонь врага и позволившего группе выдвигаться, оставляет в душе лейтенанта «благодарность и скорбь» [10, с. 48].

И свою собственную смерть Ивановский также подчиняет квазиреальному сценарию диверсии, по определению не могущей завершиться без хоть какого-нибудь результата. В отсутствие базы масштаб исходно грандиозной цели постепенно мельчает и гибель героя в итоге оказывается подвигом исключительно самопожертвования без какого-либо практического смысла. «Вместо базы боеприпасов, генерала в изысканном “оппель-адмирале” и даже штабного с портфелем полковника ему предстояло взорвать двух обозников с грузом соломы» [10, с. 134]. Но даже и такая скромная перспектива, как будто бы по жестокой иронии судьбы (по воле автора), осуществляется лишь наполовину.

Экзистенциалистская абсурдность произошедшего сливается здесь со связанным с внутренним кризисом героя экзистенциалистским подтекстом (попытка Ивановского обрести/установить смысл в мире/жизненном сценарии, внезапно его лишившемся), что обнаруживает близость «Дожить до рассвета» и повести Хемингуэя «Старик и море». Сходство типажей Ивановского и Сантьяго косвенно подчеркивал сам Быков: «Ивановский, разумеется, был побежден <...>, но если он из тех людей, о которых сказано, что их можно убить, но нельзя победить [парафраз крылатого выражения из повести Хемингуэя «человека можно уничтожить, но его нельзя победить». – А. С.], то его поражение явственно превращается в иное, противоположное качество» [13, с. 358–386].

Обратим внимание на условность («если он из тех людей») в характеристике Ивановского, устанавливающую сходство, но далеко не тождество между персонажами. Повести близки событийными рядами (сражаясь с могучими противниками, герои пытаются достичь амбициозных целей; претерпевая жестокие страдания, они достигают своего, но Судьба лишает их победы практического результата, проблематизируя тем самым их человеческое «я»), близки они и психологическим параллелизмом героев. Характеризуя Сантьяго, Н. К. Гей как будто цитирует «Дожить до рассвета»: «Он победил <...>, однако в свою очередь оказывается побежденным <...>. Неблагоприятные человеку обстоятельства, в свою очередь, будут побеждены, <...> и долг каждого быть на высоте предъявленных ему требований, быть в твердой убежденности, что необходимо выстоять до конца, исполнить свое предназначение и только тогда уступить место другим, идущим на смену силам» [14, с. 416]. А вот характеристика Ивановского: «Он хотел верить, что все им совершенное в таких муках должно где-то обнаружиться, сказаться в чем-то. <...> И он вдруг поверил, что <...> никакие из человеческих мук не бессмысленны в этом мире. <...> Он делал последний свой взнос для Родины, во имя своего солдатского долга. Другие, покрупнее, взносы перепадут другим» [10, с. 132–134].

Не менее важна разница между героями, отражающая различия в антропологических представлениях авторов. Хемингуэй выводит своего героя, минуя все социальные связи, почти на планетарный уровень, что отражено и в заглавии повести. Даже мальчик не сопровождает его в выходе в море, его противник – гигантская рыба, его победитель – Никто. «Он *обязан* быть сильным. Вот – пафос характера старика. И все-таки в подобном категорическом императиве заложена и слабость, заложено привнесение некоей силы, действующей уже как бы извне, и возникает вопрос, зачем *должен* он победить рыбу?» (курсив Н. К. Гей. – А. С.) [14, с. 415]. Императив поведения Сантьяго не определен и неопределен извне, что и фиксирует риторический вопрос Н. К. Гей. К Ивановскому «ясность цели» возвращается, когда герой осознает/устанавливает нераздельность личных целей и надличностного (военного) долга. Текстуально это проявляется в отмеченном В.И. Тюпой отношении носителя Он-сознания к себе как бы в третьем лице, вплоть до буквального «что ж, теперь давай выполняй приказ, лейтенант Ивановский, ищи базу, зло подумал про себя лейтенант» [10, с. 72]. Здесь, в отличие от приведенного выше примера, обращение героя к самому себе четко атрибутировано.

Между собой как личностью и экзистенциальными космическими «обстоятельствами» Ивановский полагает иерархическую социальную (воинскую) структуру, регламентирующую сознание и поведение всех своих членов. Постоянной мысленной апелляцией героя к ним сопровождаются поиски новой линии поведения после «пропажи» базы и вызванной этим отмены прежнего поведенческого сценария («забота о соответствии/несоответствии занимаемому месту в миропорядке»): «что лейтенант скажет ему [генералу. – А. С.]?» [10, с. 73]; «что вот теперь хлопцам сказать?» [10, с. 73]; «как эту свою неудачу объяснить в штабе» [10, с. 74]; «неоправданное доверие смущало его больше всего» [10, с. 85]. Сама эта структура – органическая часть более глобального человеческого сообщества («пусть простят его Родина, люди» [10, с. 125]) с его космически бесконечными *пространственными* («им совершенное» обнаружится «не здесь, не на этой дороге»), *временными* («не сейчас») и *социальными* («его мучительная смерть, как и тысячи других» [10, с. 133]) горизонтами. Здесь-и-сейчас-поступок ментально встраивается Ивановским в обе эти структуры: «он готов был рисковать жизнью, если это понадобится для Родины и если на это благословит его *генерал*» [10, с. 56]; «куда же тогда пропало столько его усилий? <...> Ведь они – продукт его материального “я” и сами, наверное, материальны, <...> почему же они должны в *этом* сугубо материальном *мире* пропасть без следа?» (курсив везде наш. – А. С.) [10, с. 132].

Таким образом, отдельное человеческое деяние и сама жизнь, по Ивановскому, приобретают смысл в подчинении своего «я» требованиям ближайшего социального окружения, что, в свою очередь, означает транзитивное превращение хаоса враждебных человеку обстоятельств в упорядоченный и наполненный смыслом космос. В гармонизации всех контекстов и состоит экзистенциальная победа человека над судьбой.

Позиция автора существенно сложнее.

Недооценка художественной условности литературного произведения, неразличение частной идеологической функции героя и эстетической завершающей функции автора, подмена целостного анализа повести рассмотрением ее отдельных эпизодов искажают и существенно обедняют понимание авторской идеи. «Вроде малость, за самоподрыв и уничтожение одного немца награду вряд ли дают. Но все же перед нами профессиональный героизм, <...> выражающий себя посредством свободного и неуклонного стремления к исполнению долга» [15, с. 150]. «Лейтенант Ивановский, уничтоживший ценой своей жизни какой-то воз соломы и нестроевого немца-обозника, ставится вровень с героями, свершившими великие дела, от которых зависела судьба всей войны» [3, с. 262–263]. Пафосная констатация как бы очевидного вовсе не снимает закономерного вопроса, почему же эквивалентом подвига самопожертвования (ценой жизни молодого человека) автор делает все же не базу, не генерала, не эсэсовца, а «воз соломы», почти обесмысливающий гибель лейтенанта? Не забудем также, что, кроме его собственной, инициатива Ивановского привела к гибели по меньшей мере еще трех человек.

При всей глубине мыслей и откровений Ивановского, в осмыслении человека обладающий «избытком видения» (М.М. Бахтин) автор идет гораздо дальше своего героя, смысл (и подлинная «стоимость») жизни которого вовсе не раскрывается в изъятых из контекста эпизоде его гибели, а проблематизируется во всей архитектонике произведения. Например, сосредоточенность исследователей на скорбном финале диверсии делает избыточной целую главу повести, посвященную краткому знакомству Ивановского с Янинкой. Между тем, именно эта глава, повествование в которой – «слово» единственно автора, свободное от «слова» героя, заставляет оценить антропологические рефлексии Ивановского в совершенно иной – существенно корректирующей их – перспективе. Одиннадцатая глава приобщает «Дожить до рассвета» к глобальной культурной оппозиции природы и цивилизации с традиционным распределением ролей, где женщина выступает носителем природного начала, а мужчина – цивилизационного. Уже в самом начале главы Быковым определяются эти функции героев.

Янинка возвращается от *родственников* – Ивановский едет к месту *службы*. Янинка восхищается природой, напротив, чуждой ее спутнику, на которого автор распространяет характеристику военного сословия в целом: они «не замечают природы, для них важнее погода» [10, с. 110]. Янинка – воплощение нуждающегося в упорядоченности «природного» хаоса, тогда как Ивановский с его пока еще потенциальным, но уже известным читателю из предыдущих глав иерархическим сознанием, – систематизирующее начало. Так, Янинка появляется в главе обворованной и не имеющей денег на билет (внесистемное случайное событие, разрушившее обычный ход вещей), и, чтобы устроить девушку в вагоне (восстановить микрокосм), Ивановский «связывает оборванные концы» на всех уровнях поездной микросистемы: «договариваться пришлось не только с проводником, но также и с ревизором, и с бригадиром поезда» [10, с. 109]. Показательна полная пассивность героини в «цивилизованном» поезде, тогда как в «природном» городе она, также показательно, ведет себя совершенно иначе.

Один из лейтмотивов главы – физическое и метафизическое расстояние между героями, разделяющее их как участников символического скрытого в подтексте, но легко прочитываемого инициационного акта, посредством которого Ивановский через слияние с Янинкой должен был приобщиться к природно-предопределенному миропорядку.

Существенная составляющая лейтмотива – образы обуви героев. Янинка неоднократно сбрасывает обувь (первый раз еще в вагоне), упоминания ее босоногости, возможно, должны подчеркнуть непосредственный физический контакт героини с землей. Обувь Ивановского – форменные хромовые сапоги, за сохранность которых тот постоянно беспокоится. С одной стороны, особое внимание героя к этой части обмундирования объясняется тем, что молодой офицер получил их совсем недавно (курсанты военных училищ, как и солдаты, носили кирзовые сапоги). С другой стороны, возможно, здесь присутствует и авторский намек на доинициационный, пока еще «детский» онтологический статус героя, так как хромовые сапоги шились из кожи телят-сосунков, с которыми ассоциативно соотносится в этой главе новоиспеченный лейтенант.

Двигательные характеристики героев в прогулке по ночному Гродно показательны – это быстрые перемещения Янинки и постоянное отставание от нее Ивановского, в том числе и из-за опасения испортить сапоги («он остановился в нерешительности, подумав о своих хромовых выходных сапогах, но она из темноты подбодрила его – давай, давай! И сама быстро полезла куда-то» [10, с. 115]; «он едва успевал за нею, уже не заботясь о своих выходных сапогах, которым, наверно, досталось» [10, с. 117]; «Янинка быстро шла впереди, и он, путаясь в ботве сапогами, едва поспевал за ней» [10, с. 118–119]). Двигательные характеристики также подчеркивают ведущую (в прямом и переносном смысле) роль Янинки в онтологической инициации Ивановского. Конечным пунктом ночного путешествия героев является дом, где Янинка живет с отцом. Что должно было произойти там между героями – неясно, но вполне определенно, учитывая неуклонно сокращающуюся дистанцию между ними (беспокойство девушки за то, что отец может проснуться, очевидно исключает его из числа участников грядущего).

В вагоне героев метафизически разделяет противоположное отношение к природе, физически они разделены «маленьким вагонным столиком» [10, с. 110]. Обе дистанции сокращаются при прогулке по городу, которая выступает как прелюдия акта инициации начинающего перерождаться Ивановского: «Он смутно ощущал, как

что-то в его жизни странным образом переиначивается, обретая еще неведомый, но очень значительный смысл» [10, с. 115]. «Янинка заметно приблизилась к нему <...> и теперь шла совсем рядом. <...> Как-то незаметно для него она перешла на “ты”, и он тоже несколько раз сказал ей “ты”» [10, с. 115]. Наконец, Ивановский ощущает доступные только на предельно минимальном расстоянии «тепло ее тела, <...> ее близкое дыхание, <...> запах ее волос» [10, с. 118]. Однако окончательное сближение героев (нулевая дистанция) происходит вовсе не по разворачивающемуся «сценарию» природы, космической силы, соединяющей мужчину и женщину во имя жизни на земле, а по воле цивилизации, здесь-и-сейчас разрушающей природный миропорядок. В объятия друг друга героев бросает страх при звуках фашистских самолетов, а укладывает их на землю – взрывная волна. «Он зажал в себе испуг <...>. Испуганная Янинка <...> метнулась к нему, и только он холодеющими руками обнял ее, как близкие могучие взрывы бросили их на твердые стебли картофеля» [10, с. 119].

Таким образом, фундаментальная онтологическая/космическая/природная инициация героя не состоялась, и он остался иницированным лишь социально – «двадцатидвухлетним выпускником военного училища, только что аттестованным на должность командира взвода» [10, с. 111]. Именно отсюда вытекают рассмотренные выше охарактеризованные В.И. Тюпой приметы Он-сознания главного героя, полемически проблематизируемые автором.

Заключение. Проведенный целостный анализ повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета» продемонстрировал, что представленное в ней авторское понимание личности концептуально сопоставимо с антропологической проблематикой французских экзистенциалистов (в частности, А. Камю) и художественно – с представлениями о человеке в повести Э. Хемингуэя «Старик и море», испытавшей воздействие экзистенциалистской философии.

Авторская концепция личности выражается в повести через развернутый диалог автора и героя как носителей двух несовпадающих типов сознания и разноуровневых семантических инстанций. Герой как носитель ролевого Он-сознания подчиняет себя и полностью исчерпывает свою личность исполнением долга. Автор, рассматривая своего героя, в том числе, в рамках оппозиции природы и цивилизации, показывает узость подобной самоидентификации. Определяя стоимость жизни Ивановского воз с соломой и обозного немецкого солдата, Быков, с одной стороны, утверждает подвиг самопожертвования своего героя, готового отдать свою жизнь за столь невысокую цену, но с другой – подчеркивает преступность цивилизации в ее самом противном природному миропорядку проявлении – войне, которая не только лишает людей жизни физически, но и калечит их ментально, насильственно навязывая им ограниченные социально мотивированные и зачастую антигуманные системы ценностей, подменяя ими возможность человека осознать себя и других людей необходимой частью глобального космического природного миропорядка. Обратной стороной подвига Ивановского является трагедия, не осознаваемая героем, но вполне очевидная для автора и должна быть в полной мере осознанной читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 617–658.
2. Хусаинова А.Х. Экзистенция свободы выбора и «лабораторно-онтологический эксперимент» событий войны в художественном творчестве: Ж.-П. Сартр и В. Быков // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – №5. – С. 91–95. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24902751>.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – Т. 2: 1968–1990. – 688 с.
4. Максимович В. Творчество Василя Быкова: экзистенциальный дискурс // Studia Rossica Gedanensia. – 2018. – № 5. – С. 135–146. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2018.5.11>.
5. Клишевич Н.С. Экзистенциальная реконструкция творческого наследия В. Быкова: поиски человека // Науч. тр. Респ. ин-та высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – Минск: РИВШ, 2015. – Вып. 14. – С. 214–220. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26149807>.
6. Шамякина Т.И. Судьба и творчество писателей военного призыва // Журн. Белор. гос. ун-та. Социология. – 2020. – №2. – С. 72–81. DOI: <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-72-81>.
7. Денисова Т.Н. Экзистенциализм и современный американский роман. – Киев: Наукова думка, 1985. – 246 с.
8. Афанасьев И. Кто восходит на Голгофу? Антивоенная идея в творчестве Василя Быкова. – Минск: Маст. літ., 1993. – 160 с.
9. Куприн А.С., Данилина Г.И. Пограничная ситуация и нарратив войны (на материале романа Даниила Гранина «Мой лейтенант») // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Т. 6. – № 1 (21). – С. 90–104. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2020-6-1-90-104>.
10. Быков В.В. Дожить до рассвета // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мол. гвардия, 1985. – Т. 2. – С. 6–136.
11. Тюпа В.И. Литература и ментальность. – М.: Вест-Консалтинг, 2009. – 276 с.
12. Бахтин М.М. Из преддистории романного слова // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – С. 513–551.
13. Быков В.В. Великая академия – жизнь // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мол. гвардия, 1986. – Т. 4. – С. 374–393.
14. Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. – М.: Наука, 1975. – 472 с.
15. Никольский С.А. Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне // Человек. – 2020. – Т. 31, № 3. – С. 135–154. DOI: <https://doi.org/10.31857/S023620070009570-4>.

Поступила 30.08.2022

EXISTENTIALIST ONTOLOGY OF PERSONALITY IN THE DIALOGUE BETWEEN THE AUTHOR AND THE HERO IN V. V. BYKOV'S STORY "SURVIVE UNTIL DAWN"**A. SMIRNOV***(Yanka Kupala State University of Grodno)*

The subject of the article is the artistic anthropological representations of V.V. Bykov, typologically comparable to the understanding of man in the philosophy of French existentialism and foreign literary practice, which is influenced by it. The ontology of personality in the story "Survive until dawn" is studied as a subject of controversy between the author and the hero, who is the subject of "role He-consciousness" (V.I. Tyupa) and completely exhausts his personality with an internalized social role function. It is demonstrated how the author, by means of intratextual means (correlation between the "word" of the author and the "word" of the hero, the organization of the narration, irony) and the architectonics of the story, reveals the narrowness of such self-identification. An analysis of the story as an artistic whole revealed its involvement in the global cultural opposition of nature and civilization and revealed the author's ideas about man, primarily as a part of the natural world order, canceled for the hero by his social initiation. The involvement of man in the confrontation between nature and civilization and the priority of the social role identification of the hero reveals a tragedy of the cosmic level in his feat of self-sacrifice.

Keywords: *existentialism, author and hero, personality, self-identification, nature and civilization, initiation.*